

К. В. Коваленко

**СЕМАНТИКА ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКА
ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА И «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ
ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В. И. ДАЛЯ**

*Работа представлена кафедрой русского языка
Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. Л. Голованевский*

В статье делается одна из первых попыток сопоставительного семантического анализа окказиональной лексики языка произведений А. И. Солженицына

и слов словаря Даля. Здесь изучаются более 250 лексем из словаря Даля, зафиксированных в «Словаре языкового расширения» Солженицына. Этот лексический массив позволяет выявить те главные семантические тенденции, которыми отмечен пласт лексики языкового потенциала. Предлагаемые Солженицыным к активному употреблению слова в основном являются окказиональными, что создает особые условия их функционирования в литературных текстах Солженицына.

Ключевые слова: окказионализмы, лексика литературного потенциала, семантические изменения, увеличение и уменьшение объема значения слова, семантическое перерождение слова, идентичность смысловой наполненности слова.

K. Kovalenko

SEMANTICS OF OCCASIONAL VOCABULARY IN A. I. SOLZHENITSYN'S WORKS AND V. I. DAHL'S "EXPLANATORY DICTIONARY OF THE LIVE GREAT RUSSIAN LANGUAGE"

One of the first attempts of comparative semantic analysis of occasionalisms employed by A. I. Solzhenitsyn and of words from Dahl's dictionary is made in the article. The research data involve more than 250 lexemes from Dal's dictionary, registered in Solzhenitsyn's "Russian Dictionary of Language Expansion". This amount of words makes it possible to reveal basic semantic tendencies in the lexical layer of the language potential. The words meant by Solzhenitsyn as widely used are mostly occasionalisms; this creates special conditions for their functioning in the prose by Solzhenitsyn.

Key words: occasionalisms, words of literary potential, semantic changes, word meaning expansion and narrowing, semantic degeneration, word meaning identity.

В своей книге, имевшей большой общественный резонанс, известный журналист, литературовед и лингвист Ж. Нива заметил, что из всех солженицынских начинаний «реформа языка – может быть, самое для него важное» [10, с. 131]. Концепция языковой реформы Солженицына складывается из двух равнозначных составляющих: его авторского творчества и «Русского словаря языкового расширения» [17] (далее РСЯР), над которым он работал более сорока лет. Словарь содержит около 30 000 слов и выражений.

Суть языковой реформы по Солженицыну заключается в том, чтобы «восполнить иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение к нему чутья» [17, с. 3]. Основную задачу и способ обогащения языка писатель видел в «восстановлении прежде накопленных, а потом утерянных богатств» [там же]. По мнению автора, РСЯР содержит слова, «никак не заслуживающие преждевременной смерти, еще вполне гибкие, таящие в себе благое движение – между тем

почти целиком заброшенные, существовавшие близко с границей нашего изношенного употребления» [17, с. 4].

Появление РСЯР стало крупным событием в отечественном языковедении. Оно не могло не вызвать полемики в кругах лингвистов в силу важности и актуальности языковой реформы, а также необычности того решения, которое предлагал Солженицын. Мнения ученых разделились. П. А. Николаев, точку зрения которого мы полностью разделяем, говорил: «Его художественное, поэтическое мастерство поистине уникально. Например, то, что он “возродил” Даля, ввел в свои произведения множество забытых слов... Солженицын в языковых поисках, в частности в создании своего прекрасного “Русского словаря языкового расширения” открыл много нового. Я думаю, что русская филология в целом, наша нормативная теория литературы и наша стилистика не вполне освоили его опыт. Со временем он, конечно, будет освоен. Серьезными учеными опыт Солженицына принят уже сегодня» [11, с. 126].

Цель нашей статьи – провести сопоставительный семантический анализ окказиональной лексики языка литературных произведений Солженицына и словаря Даля, ибо далевский вокабуляр, по мнению Солженицына, представляет собой лексический потенциал современного русского языка. Под лексическим потенциалом языка мы, вслед за С. В. Мельниковой, будем понимать «нереализованные резервы лексической системы, которые обеспечивают ее способность к саморазвитию, могут анализироваться, стать реальностью при определенных условиях» [9, с. 259].

Лексика языкового потенциала находится на периферии литературного языка. По мысли Ш. Балли, «здесь множество средств, черпая которые, ... люди могут индивидуальным способом выражать собственные мысли, чувства, желания и устремления» [2, с. 108].

Разумеется, мы догадывались о том, что простое перенесение лексики словаря Даля в РСЯР Солженицына произойти не могло. Заслуга Солженицына заключается в том, что он увидел в словах Даля сокровищницу живого языка. Он проделал огромную работу по возрождению далевского слова, его возвращению в современный живой обиход, однако для этого многое из далевского словаря в семантическом аспекте ему пришлось изменить, приблизив лексику Даля к нашим дням, к литературной ситуации своих произведений, оставив далевскую основу и сердцевину. Реализуя лексику литературного потенциала, Солженицын становится последовательным продолжателем дела Даля, а также создателем (творцом) индивидуальных авторских словообразований – окказионализмов.

Материалом исследования стали извлеченные методом сплошной выборки высказывания из романа «В круге первом» [14], рассказа «Один день Ивана Денисовича» [15] и повести «Раковый корпус» [16], в которых содержатся слова и выражения, зафиксированные в РСЯР. Анализировалась собственно авторская и диалогическая речь. Объем лексем, первоисточником которых является словарь Даля, составил более 250 единиц.

Такой подход позволил установить истоки словарной лексической базы РСЯР, структуру семантики лексики в словаре и реальном контексте конкретного художественного произведения Солженицына. Названный лексический массив во всех деталях предполагается описать в диссертационном исследовании. Здесь же мы ограничимся анализом семантики окказионализмов произведений Солженицына и лексики словаря Даля.

Одним из критериев окказиональности лексики является ее отсутствие в толковых словарях, поэтому мы проверили отобранный лексический материал на непредставленность по двенадцати словарям от «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля [4] до «Толкового словаря русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под редакцией Г. Н. Складневской [19].

Логика анализа окказиональной лексики Солженицына заключается в следующем. Основной реакцией на фиксирование лексики Солженицына как окказиональной является ее непохожесть на узуальную лексику. Далее эта лексика в первую очередь проверяется по словарю Даля. Если она в нем представлена, проверяется по другим словарям. Отсутствие ее в этих словарях уже может служить доказательством ее окказиональности.

Чутье к языковым фактам, яркость и цельность художественного письма, многолетняя работа с далевским словарем позволили Солженицыну творчески обновить первоосновы слов, собранных Далем. Он не только внимательно отбирал далевские слова, отыскивая среди них те, которые могут свободно употребляться в различных сферах современной языковой практики. Множество слов он подверг семантической трансформации, наполнил новыми, доступными и понятными смыслами для современных пользователей языка, при этом сохранив без изменений далевскую словоформу.

Т. Г. Винокур, которая одной из первых исследовала язык и стиль повести «Один день Ивана Денисовича», оправдывает и высоко ценит «точную, последовательную мотивированность и внутреннее единство ее

словесно-образного состава» [3, с. 16]. Этот тезис Винокур логично распространить на всю солженицынскую прозу. Важно при этом отметить, что основу художественных текстов автора составляет пласт «слов общелитературной речи» [3, с. 22].

В известных нам работах по окказиональной лексике и словообразованию Г. О. Винокур, Э. Ханпира, Е. А. Земской, В. В. Лопатина, А. Г. Лыкова, И. С. Улуханова, М. А. Бакиной, Р. Ю. Намитоковой, В. Н. Виноградовой, В. П. Григорьева вопрос о типологии окказионализмов не поднимается. Но если эту лексику рассматривать как один из лексико-стилистических разрядов языка, вполне целесообразно использовать при ее анализе известные типологии архаизмов, в первую очередь типологию Н. М. Шанского [22, с. 142–156], согласно которой выделяются две основные группы – лексические и семантические.

Под *лексическими окказионализмами* мы понимаем такие лексические авторские образования, которых в литературном языке ранее не было. Под *семантическими окказионализмами* мы понимаем такие лексемы, которые уже ранее существовали в литературном языке, сохранили свою фонеморфологическую форму, но обрели новизну за счет индивидуальных авторских значений.

К проблеме типологии окказионализмов примыкает вопрос о возможности и необходимости создания словарей окказиональной лексики. В отечественной лексикографии его поднял В. Д. Девкин: «Составление словаря окказионализмов неизбежно сталкивается с традиционным лексикографическим заколдованным кругом – собирать фактический материал можно, только имея надежные принципы его выделения из общей массы лексики, а выработать их без материала невозможно» [5, с. 297].

Основной путь в возрождении Солженицыным слов из словаря Даля, говоря словами Н. М. Шанского, заключается в «переносе наименования с одного предмета действительности на другой» [22, с. 35]. «Такие переносы наименований происходят, во-первых, на основе сходства (по форме, цвету,

внутренним свойствам и качествам и т. д.); во-вторых, по смежности (временной, пространственной, логической и т. д.); в-третьих, по функции» [22, с. 35–36].

Очень часто они служат у Солженицына созданию окказионализмов. Е. А. Земская пишет, что окказионализмы «характеризуют совершенно особенный аспект изучения языка – творческий, индивидуальный, эстетический: они реализуют индивидуальную творческую компетенцию говорящего... Окказионализмы показывают, на что способен язык при рождении новых слов, каковы его творческие потенции, глубинные силы» [6, с. 180].

А. А. Хуснутдинов отмечает, что «в лексиконе писателя можно выделить пласты слов, языковых единиц, которые в силу своей специфики требуют особого описания» [21, с. 42]. Пласт окказиональной лексики является в произведениях Солженицына именно таким объектом.

Доминирующий способ возвращения слов из словаря Даля к жизни – это добавление к исходному далековскому смыслу новых элементов значения. В трактовке О. С. Ахмановой «под расширением значения понимается увеличение семантического объема (семантической емкости) слова в процессе исторического развития или в контексте речевого употребления» [1, с. 380]. Например, прилагательное *густой* означает у Даля: «плотный, частый, крутой, нередкий, нежидкий, нетонкий» [4, т. I, с. 409], т. е. выделено шесть компонентов значения. Солженицын на основе сходства свойств добавляет еще один, но теперь уже внутренний компонент значения. Этот перенос возникает на основе присвоения внешнего качества внутреннему свойству. В нашем понимании, расширение семантики – это обогащение компонентного состава семантики окказионального слова по сравнению с зафиксированным в словаре. Солженицын использует его в качестве эпитета к существительному «интерес» при создании литературного портрета Глеба Нержина: «Как ни мало любопытен стал Нержин в тюрьме – он слушал с *густым интересом...*» [14, с. 332]. Словосочетание *густой интерес* выходит за пределы

тех возможных словосочетаний, которые указываются Далем. Далевские синонимические толкования прилагательного *густой* охватывают область быта, словосочетание Солженицына с этим прилагательным переносится в область интеллекта. Даль употребляет также глагол *густить*, который является словообразовательным дериватом прилагательного *густой*. У Даля «*густить что, сгущать, делать более густым, крутым, убавляя жидкости или прибавляя твердых сухих частиц...*» [4, т. I, с. 410]. В трактовке Даля в глаголе *густить* мы отмечаем одно значение – делать более густым. Затем Даль описывает два способа достижения необходимого качества густоты. Солженицын к далевскому значению добавляет свое значение посредством переноса качества вещества на человека. В данном случае он повторяет процесс переноса прилагательного *густой* на человека. Новый элемент значения возникает на основе антропоморфизма – «уподобления человеку, наделение человеческими свойствами (например, сознанием) предметов и явлений неживой природы, небесных тел, животных, мифических существ» [13, с. 66]. Результатом этого процесса у Солженицына являются окказиональные антропоморфные метафоры: «*Перед столовой сегодня – случай такой дивный – толпа не густилась, очереди не было. Заходи*» [15, с. 18]. Новая окказиональная сема Солженицына основана посредством переноса свойств предметов на людей.

Прием антропоморфизма отмечается у Солженицына в далевском глаголе «*уронить что, ронять, ронить, отбросить, дать упасть или бросить, повалить, столкнуть, обрушить*» [4, т. IV, с. 508–509]. Посредством антропоморфизма Солженицын добавляет к ним еще одну – *уронить себя*: «*...желанней ему сейчас был этот хвостик сигареты, чем, кажется, воля сама, – но он бы себя не уронил и так, как Фетюков, в рот бы не смотрел*» [15, с. 28].

Добавление нового смыслового элемента мы наблюдаем также и в глаголе *юрить*. По Далю, это значит «метаться, суетиться, соваться во все концы; спешить, торопить и

торопиться; кипятить, нудить, нукать, нетерпеливо сдобляться, кишеть, заботливо или играя толпиться, суетиться, толкаться туда и сюда» [4, т. IV, с. 668]. Глагол *юрить* полисемантический. Его содержательную первооснову дает этимологический словарь М. Фасмера – «*спешить*» [20, т. IV, с. 533]. Это основное значение представлено двенадцатью смысловыми оттенками. К ним Солженицын добавляет свое глагольное словосочетание *юрить глазами*: «*Глаза старика не юрили во след всему, что делалось в столовой...*» [15, с. 105]. В данном предложении Солженицын использует прием синекдохи. Упоминается часть вместо целого. Речь идет о глазах, а под ними понимается человек, отсидевший двадцать лет, состарившийся в лагере. Контекст отрицательного глагольного словосочетания *юрить глазами* содержит в себе имплицитную информацию о гордости старика, о силе его духа и несгибаемости воли.

О расширении семантики прилагательного *емкий* свидетельствует такой контекст из толкования Даля: «*Емкий о человеке, который берется за все с умением, решительный и ловкий*» [4, т. I, с. 519]. Это прилагательное Солженицын использует для характеристики времени, отведенного Вадиму Зацырко для установления нового метода определения залежей руды: «*... его время и масса становились теперь не такими, как у других людей: время – ёмче, масса – пробивней*» [16, с. 243]. В данном примере осуществляется перенос с конкретного факта на время как явление абстрактное.

Прилагательное *изломчивый* Даль объясняет как *ломкий, хрупкий* [4, т. II, с. 23]. У Солженицына мы наблюдаем перенос с вещи материального мира на человека: «*Ей трудно было говорить! Голосом изломившимся, сверх силы, она перетягивалась через ров*» [16, с. 320]. Все значения, приводимые Далем к глаголу *изламывать* и его дериватам, относятся к миру вещей материальных. Солженицын вносит в этот ряд свой индивидуальный новый компонент значения в форме словосочетания *изломившийся голос*.

Одним из способов увеличения семантического объема слова является перенос

значения из одной профессиональной сферы в другую. Например, в далевском глаголе *выкраивать*: «вырезывать, пригоняя по мерке; кроить, пригоняя и выравнивая» [4, т. I, с. 294]. На основе этого глагола Солженицын создает свой окказиональный фразеологизм – *выкраивать дела*: «Но как не **выкраивали** ему дела, едва-едва натянули на пять лет» [14, с. 275]. В данной ситуации осуществлен перенос из сферы быта на всю правовую систему.

Солженицын увеличивает на один новый элемент значение далевского прилагательного *гуртовой* – «к гурту, к стаду относящийся, принадлежащий, стадо скота или птицы в отгон, на продажу, на убой» [4, т. I, с. 409]. Здесь происходит перенос наименований животного мира на человека. Прилагательное *гуртовой* содержит у Солженицына также коннотацию отношения к заключенным как к скоту, жестоко, унижительно, оскорбительно. Солженицын создает окказиональное словосочетание *гуртовой этап*: «...не было, однако, сна, который бы ясно предсказывал *гуртовой этап*» [14, с. 696]. Семема прилагательного *гуртовой* таким образом расширяется на два новых компонента значения – большого количества заключенных, отправляемых на этап, а также жестокого отношения к ним.

Если следовать логике, то за расширением значения слова, увеличением компонентов его значения должно следовать сужение значения. Словарь и текст – суть разные фиксации языка. В словаре Даля представлены те семантические компоненты слова, которые он счел необходимым зафиксировать. В произведениях Солженицына значение слова представлено в контексте, в конкретном варианте. Как отмечают Ю. Н. Караулов и Е. Л. Гинсбург, словарь и текст находятся «в постоянном, непримиримом конфликте друг с другом» [7, т. X].

Употребление диалектных слов. В подробной статье Ю. М. Костинский говорит о «стойкой настороженности, которая сопутствует литературному признанию диалектизмов» [8, с. 118–119]. По Н. М. Шанскому, они «представляют собой неизвестные лите-

ратурному языку слова, служащие названиями явлений, для обозначения которых в литературном языке употребляются слова с какой-либо другой непроемной основой» [22, с. 116]. Употребление Солженицыным в своих произведениях лексических диалектизмов из словаря Даля наряду со стилистической функцией имеет вторую – расширение литературного потенциала. Здесь Солженицын идет своим путем. Он отыскивает пути и способы для обновления лексических диалектизмов, приближения их к литературному языку. Здесь прослеживаются следующие тенденции: 1) все лексические диалектизмы понятны читателю, ибо они образованы из известных ему корневых основ; 2) все лексические диалектизмы взяты из далевского словаря; 3) большинство лексических диалектизмов при употреблении в тексте претерпели семантическое обновление. Солженицын часто сознательно отказывается от литературного слова, которое, пожалуй, не смогло бы точно и кратко передать значение диалектного слова. Например, диалектный глагол *смогать* в далевском толковании «быть в силах, либо в состоянии мочь сделать что, по силам, средствам, умению, власти» [4, т. IV, с. 235]. В далевской трактовке глагол *смогать* имеет четыре элемента значения: быть в силах, в состоянии, мочь по средствам, двумя семами: уметь и быть в силах: «*Руки Шухова еще добрые, смогают, неуж, он себе на воле верной работы не найдет?*» [15, с. 36].

Даль фиксирует существительное: «Раздольщина, раздолье; народ в раздолье живущий» [4, т. IV, с. 27]. Солженицын из двух элементов этого существительного – необозримое пространство и народ в этом пространстве живущий – выбирает одно: «*Главное он здесь ел от пуза, хлеба черного не меньше килограмма полтора, потому что с хлебом была раздольщина*» [14, с. 172]. В этом варианте используется значение *изобилие*, т. е. отсутствие запрета и стеснения в хлебе. Так Солженицын описывает жизнь на шарашке дворника Спиридоны.

Хотя и редко в сравнении семантики окказиональной лексики Солженицына и лек-

сики словаря Даля встречаются случаи полного изменения значения слова. Здесь же осталось основное значение. Появился семантико-словообразовательный окказионализм. «Русская грамматика» объясняет, что «существительные среднего рода (орф. слова на *-ье*) имеют собирательное значение», «группа однородных лиц, предметов, названных мотивирующим словом...», «названиями конкретных предметов» [12, с. 206]. Это относится к словам: *палочье, батожье*. Оба эти слова являются архаичными, исчезнувшими из языкового обихода. БАС с пометой «устаревшее», собирательное приводит одно значение: «палки для наказания, битья: *батожье*» [18, т. IX, с. 71]. Даль толкует его как «палки для наказания, битья, прутья, батожье, длинники» [4, т. III, с. 13]. Солженицын включает в свой словарь оба слова, но в абсолютно новом значении – *дрова*: «... щепок, да палочья для конторы не жалеют» [15, с. 61]. Это пример того, как Солженицын возвращает к новой жизни слова словаря Даля.

Одним из важных результатов сопоставления семантики слов словаря Даля и словаря языка произведений Солженицына является **совпадение значений лексем**. Обратимся к существительному *навязь*. Даль толкует его как «сор, дрянь, которая навязла». Контекст Солженицына: «*Дёмка лежал на спине, покоя ногу, короче бедра, – и всю огромную бинтовую навязь*» [16, с. 373]. В восприятии Дёмы его огромная бинтовая навязь являлась «сором, дрянью, которая навязла». Кроме душевной травмы, вызванной ампутацией ноги, из-за этой навязи появились новые неудобства, позволявшие только «голове и рукам двигаться свободно» [16, с. 373].

Диалектный глагол *шатнуть, шатывать* по Далю означает: «качать, колебать, трясти, наклонять туда и сюда» [4, т. IV, с. 623]. У Даля этот глагол имеет четыре элемента значения, главный из них *колебать, колебаться*. На основе глагола *шатать, шатнуться* Солженицын создает свой окказиональный фразеологизм *шатнуться в диагнозе*, т. е. поставить больному ошибочный диагноз: «*Мы когда-то шатнулись в диагнозе, но лечили верно*» [16, с. 60].

Прилагательное *вбирчивый* по Далю «впивчивый, вбирающий, всасывающий в себя много» [4, т. I, с. 169]. Несет в себе положительные коннотации. В контексте Солженицына: «*У него была только ни за что погубленная юность и вбирчивая жажда узнать и отведать всего, чего не успел*» [14, с. 318]. В данном случае Солженицын создает литературный портрет Руськи. Прилагательное *вбирчивый* в далевском толковании он использует часто в самых неожиданных контекстах.

Прилагательное *избывчивый* толкуется Далем: «от чего или кого не трудно отделаться, легко поправиться» [4, т. II, с. 12]. В данной трактовке этого прилагательного два компонента значения. На основе прилагательного *избывчивый* Солженицын создает семантический окказионализм *избывчивая беда*: «*Крута гора, да обманчива, лиха беда, да избывчива*» [14, с. 542].

Проведение сопоставительного семантического анализа лексики словаря Даля и языка произведений Солженицына показало, что обращение Солженицына к словарю Даля не является случайным. Оно имеет многофункциональный характер. Цель такого обращения – возрождение лексем Даля, ее возвращения в языковой обиход. Возрождая лексику Даля к новой жизни, Солженицын преследовал цель языкового расширения, сохранения и закрепления далевских слов в современном литературном и речевом обиходе. К возвращению далевских слов Солженицын подошел творчески. Он тем или иным способом изменил семантику слов Даля. Обогащая язык семантически, он увеличил содержательный объем большой группы слов, часть из которых мы привели в нашей статье. Есть случаи появления нового значения у старого далевского слова. Группа слов языка произведений Солженицына сохраняет те значения, которые были зафиксированы Далем.

К наиболее существенным выводам следует отнести: 1) семантическое расширение лексики Даля в языке произведений Солженицына происходит за счет ее переноса в принципиально новый контекст; 2) Солжени-

цын целенаправленно отдаёт предпочтение той части далевской лексики (при наличии соответствующих общелитературных эквивалентов), которая позволяет ярче раскрыть индивидуальный мир персонажа; 3) обычно нейтрально-стилистическая лексика Даля в языке произведений Солженицына выступает экспрессивно-оценочной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотип. М.: Ком Книга, 2007. 576 с.
2. *Балли Ш.* Язык и жизнь / пер. с фр. / вступ. статья В. Г. Гака. М.: Едиториал УРСС, 2003. 322 с. (Женевская лингвистическая школа.)
3. *Винокур Т. Г.* О языке и стиле повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» // Вопросы культуры речи, Вып. 6. М.: Наука, 1965. С. 16–32.
4. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей. 1955.
5. *Девкин В. Д.* Немецкая лексикография: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2005. 670 с.
6. *Земская Е. А.* Словообразование как деятельность. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ. 2007. 224 с.
7. *Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л.* Язык и мысль Достоевского в словарном отражении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / Российская академия наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова: гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 2001. С. IX–LXIV.
8. *Костинский Ю. М.* К оценке возможной активизации лексического потенциала языка // Литературная норма и просторечие. М.: Наука, 1977. С. 118–145.
9. *Мельникова С. В.* О роли слов лексического потенциала в идеостиле А. И. Солженицына (на примере лексико-словообразовательных диалектизмов «Русского словаря языкового расширения») // А. И. Солженицын и русская культура. Научные доклады. Саратов, Изд-во Саратовского университета. 2004. С. 259–263.
10. *Нива Ж.* Солженицын / пер. с фр. Симона Маркиша в сотрудничестве с автором; предисл. И. Виноградова. М.: Худ. лит., 1992. 191 с.
11. *Николаев П. А.* Он в высшей степени стильный писатель. П. Спиваковский беседует с П. А. Николаевым // Филологические науки. 1999. № 6. М.: Издательство Министерства образования РФ. С. 121–128.
12. *Русская грамматика* / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1. 784 с.
13. *Советский энциклопедический словарь* / Научно-редакционный совет: А. М. Прохоров (пред.), М. С. Гиляров, Е. М. Жуков и др. М.: Советская Энциклопедия, 1980. 1600 с.
14. *Солженицын А. И.* В круге первом: роман. М.: Современник, 1991. 732 с.
15. *Солженицын А. И.* Один день Иван Денисовича. М.: ЭКСМО, 2006. С. 11–124.
16. *Солженицын А. И.* Раковый корпус: повесть. М.: Издательство АСТ, 2003. 505 с. (Мировая классика).
17. *Солженицын А. И.* Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. 3-е изд. М.: Русский путь, 2000. 280 с.
18. *Словарь современного русского литературного языка (ССРЛЯ).* М.; Л., 1950–1965, Изд-во АН СССР: т.т. 1–17, т. 9.
19. *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика* / под ред. Г. Н. Складневской. М.: Эксмо, 2007. 1136 с.
20. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987.
21. *Хуснутдинов А. А.* Словарь русского языка В. И. Даля и словарь языка писателя // В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – личность: материалы IV. Всерос. научн. конф., Иваново, 22–23 ноября 2007 г. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2008. С. 37–44.
22. *Шанский Н. М.* Лексикология современного русского языка: пособие для студентов педагогических институтов. М.: Просвещение, 1964. 316 с.

SPISOK LITERATURY

1. *Akhmanova O. S.* Slovar' lingvisticheskikh terminov. 4-e izd., stereotip.. M.: Kom Kniga, 2007. 576 s.
2. *Balli Sh.* Yazyk i zhizn' / per. s fr.; vstup. stat'ya V. G. Gaka. M.: Editorial URSS, 2003. 322 s.
3. *Vinokur T. G.* O yazyke i stile povesti A. I. Solzhenitsyna "Odin den' Ivana Denisovicha" // Vo-prosy kul'tury rechi. Vyp. 6. M.: Nauka, 1965. S. 16–32.
4. *Dal' V.* Tolkovy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. T. I–IV. M.: Gos. izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1955.
5. *Devkin V. D.* Nemetskaya leksikografiya: ucheb. posobiye dlya vuzov. M.: Vyssh. shk., 2005. 670 s.
6. *Zemskaya E. A.* Slovoobrazovaniye kak deyatel'nost'. 3-e izd. M.: Izdatel'stvo LKI, 2007. 224 s.
7. *Karaulov Yu. N., Ginzburg E. L.* Yazyk i mysl' Dostoyevskogo v slovarnom otrazhenii // Slovar' yazyka Dostoyevskogo. Leksicheskiy stroy idiolekt / Rossiyskaya akademiya nauk, In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova; gl. red. Yu. N. Karaulov. M., 2001. S. IX–LXIV.
8. *Kostinskiy Yu. M.* K otsenke vozmozhnoy aktivizatsii leksicheskogo potentsiala yazyka // Lit-erturnaya norma i prostorechiye. M.: Nauka, 1977. S. 118–145.
9. *Mel'nikova S. V.* O roli slov leksicheskogo potentsiala v ideostile A. I. Solzhenitsyna (na primere leksiko-slovoobrazovatel'nykh dialektizmov "Russkogo slovarya yazykovogo rasshireniya") // A. I. Solzhenitsyn i russkaya kul'tura. Nauchnye doklady. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 2004. S. 259–263.
10. *Niva Zh.* Solzhenitsyn / per. s fr. Simona Markisha v sotrudnichestve s avtorom; predisl. I. Vino-gradova. M.: Khud. lit., 1992. 191 s.
11. *Nikolayev P. A.* On v vysshey stepeni stil'ny pisatel'. P. Spivakovskiy beseduyet s P. A. Niko-layevym // Filologicheskkiye nauki. 1999. N 6. M.: Izd-vo Ministerstva obrazovaniya RF. S. 121–128.
12. *Russkaya grammatika* / pod red. N. Yu. Shvedovoy. M.: Nauka, 1980. T. 1. 784 s.
13. *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'* / Nauchno-redaktsionny sovet: A. M. Prokhorov (pred.), M. S. Gilyarov, E. M. Zhukov i dr. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1980. 1600 s.
14. *Solzhenitsyn A. I.* V krughe pervom: roman. M.: Sovremennik, 1991. 732 s.
15. *Solzhenitsyn A. I.* Odin den' Ivan Denisovicha. M.: Izd-vo EKSMO, 2006. S. 11–124.
16. *Solzhenitsyn A. I.* Rakovy korpus: povest'. M.: OOO "Izdatel'stvo AST", 2003. 505 s.
17. *Solzhenitsyn A. I.* Russkiy slovar' yazykovogo rasshireniya / sost. A. I. Solzhenitsyn. 3-e izd. M.: Russkiy put', 2000. 280 s.
18. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (SSRLYa): v 17 t. M.; L., 1950–1965, Izd-vo AN SSSR. T. 9.
19. Tolkovy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika / pod red. G. N. Sklyarevskoy. M.: Eksmo, 2007. 1136 s.
20. *Fasmer M.* Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. 2-e izd., ster. M.: Progress, 1987.
21. *Khusnutdinov A. A.* Slovar' russkogo yazyka V. I. Dalya i slovar' yazyka pisatelya // V. I. Dal' v paradigme idey sovremennoy nauki: yazyk – slovesnost' – lichnost': materialy IV. Vseros. nauchn. konf., Ivanovo, 22–23 noyabrya 2007 g. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2008. S. 37–44.
22. *Shanskiy N. M.* Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka: posobiye dlya studentov peda-gogicheskikh institutov. M.: Prosveshcheniye, 1964. 316 s.